

означает для Державина абсолютный конец. «Необычайным я пареньем От тленна мира отделюсь, С душой бессмертною и пенем, Как лебедь, в воздух поднимусь» (стихотворение «Лебедь»). Поэт как будто видит мост между мигом и вечностью, между конечным и бесконечным. Душа его превращается в лебедя, улетающего в вечность. Поэтому он советует супруге: «Над мнимым мертвецом не вой».

Г.Р.Державин и Ф.И.Тютчев. Этих поэтов роднит цельный космизм и связанный с ним универсализм. Цельность их космизма произрастает из одного корня. Рождение – это точка жизни, постепенно расширяющая свою Вселенную до беспредельной бесконечности, которая заложена в метафизическом видении жизни: духовное+материальное, вечность + миг, созерцание + деланье, бесконечное + конечное и др. Космический мир человека существует как «внутренний мир», «сомир» и «внешний мир».

Таков в целом сравнительный анализ метафизической сущности творчества Державина и других представителей русской литературы.

Литература

Гуревич П.С. Основы философии... / П.С.Гуревич. – М.: Гардарики, 2000. – 438 с.

Иванов В.И. Дионис и прадионисийство / В.И.Иванов. – СПб: Алетейя, 1994. – 350 с.

Поэтический мир Державина в осмыслении А.Кушнера

В.В.Биткинова

Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского
(Саратов)

Ключевые слова: реминисценция, вещь, память, поэзия и быт

Во второй книге стихов А. Кушнера «Ночной дозор» (1966) напечатано стихотворение «Солонка» [Кушнер 1966: 37-38]: увидев в музее солонку, некогда принадлежавшую Г.Р. Державину, лирический герой представляет себе встречу с её владельцем.

Державинский мир реконструируется с помощью реминисценций из его произведений: «Евгению. Жизнь Званская», «Приглашение к обеду», стихотворений, где фигурирует поэтическое имя первой жены – Пленира. Воспроизводятся важнейшие философские мотивы: оппозиция столичной и домашней (деревенской) жизни, мысли

о бренности человека и даже самой поэзии («Приди – и дом, хоть не нарядный, / Без резьбы, злата и серебра, / Мой посети <...> Другам и красоте сей день» [Державин 1864, 1: 667] – «хозяин в халате <...> столичную роскошь кляня, / Ради дружеских ласк и объятий / Приглашает к обеду меня»; «знаю то, что век наш тень» [Державин 1864, 1: 667] – «хозяин <...> Скажет: “Всё ничего, только грустно, / Что подружка грибов и супов / Долговечнее наших стихов”»).

Исходной точкой развития сюжета оказывается бытовой предмет, что также соответствует особенностям поэтического мира Г.Р. Державина. Образы других литераторов XVIII в. Кушнер тоже строит на реминисценциях из их произведений, но развёртываются они иначе: Капнист и Хемницер в стихотворении «Когда и ветрено и снежно...», опубликованном в той же книге, что и «Солонка», окружены вещными приметами своего времени (шубы, санки, попоны, полость), но это всё-таки «две тени» в зимней вьюге [Кушнер 1966: 28]; в основе композиции образа Радищева из первой книги стихов лежит мотив спора – с жестоким укладом жизни, с императрицей (Кушнер использует державинскую прономинацию «Богopodobная царевна / Киргиз-Кайсацкая орды»), даже с автором, «советующим» своему герою: «Живи один, себя спасай» [Кушнер 1962: 57-58].

Любовное внимание к окружающим человека предметам – важнейшая черта поэтической философии самого Кушнера, и это свойство он подчёркивает у других – от автора «Повести о Петре и Февронии» до Ахматовой и Мандельштама [«Всесильный бог деталей» (1987) – Кушнер 1991: 372-377]; «хороши у Державина подробности окружающей жизни – временные, злободневные, на фоне грандиозных вечных тем, разговора с Богом и мирозданием!» [«Заметки на полях» (1989) – Кушнер 1991: 459].

Первый сборник стихов Кушнера подвергся резкой критике за «мелкотемье»: «Посмотрел поэт направо – стоит графин. Раз-два – и готово стихотворение “Графин”. Взглянул налево – стоит стакан. Пожалуйста, вот вам “Стакан”» [Кушнер 2003: 205]. Поэтому во второй книге «натюрморты» приобретают значение отстаивания собственной позиции, и название «Солонка», корреспондирующее со «Стаканом» и «Графином», звучит полемически. В начале «Ночного дозора», среди «программных» произведений помещается цикл «Простые тяжести земли», где бытовые вещи трактуются как средство упорядочения жизни и самые ощутимые связи людей друг с другом и с миром [Кушнер 1966: 11-13]. А в «исторических» произведениях вещи – ещё и носители памяти, как в «Солонке» или «Монтене» – о портрете в книге, – где утверждается, что вместе с философом с читателем «болтают» и брандмейстер, гладко выбривший ему голову, и кружевница, сплетшая кружева воротника, и «недоучка <...> портной, расшивший шёлком платье» [Кушнер 1966: 79-80].

В «Солонке» конкретность державинского вещного мира подчёркивается такой характеристикой как цвет: «припомнится щука с пером / Голубым» – неожиданный эпитет, придающий «щуке» убедительность, зримость, акцентируется единственным во всём стихотворении переносом. В образе «уставленного тесно стола» воплощается плотность вещного мира Державина; в его натюрмортах сплошное перечисление действительно создаёт эффект «тесноты»: «Багряна ветчина, зелены щи с желтком, / Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, / Что смоль, янтарь – икра, и с голубым пером / Там щука пестрая» [Державин 1865, 2: 638].

Кушнер как будто бы развивает поэтику Г. Р. Державина. Он тоже подчёркивает предметность солонки: «синяя, оттенённая резным серебром»; «Пленира» должна «наполнить» её «крупной солью» (слова «наполнить» и «крупной» «утяжеляют», делают «солонку» вещественной, она не перерастает в символ, хотя «соль» обладает большим символическим потенциалом). Но кушнеровское описание тоньше: яркие, открытые цвета старшего поэта он заменяет оттенками тех же цветов. Так, среди любимых слов Державина, характеризующих праздник жизни (в том числе обед), – «блеск», «блистанье», употреблённые в прямом и метафорическом значении названия драгоценных металлов, камней, тканей («блещет стол серебром и златом», «в графинах вина, пунш, блистая...», [Державин 1886, 1: 135, 666] и т. д.); у Кушнера вместо этого – «отблеск», «заиграет в сторонке», «синее стекло», «оттененное резным серебром».

Используя реминисценции, Кушнер не прибегает к стилизации, и это касается не только предметных описаний. В приписываемой герою финальной реплике о «недолговечности стихов» разговорность и простота стиля превышают державинские; образы смерти, картины разрушений у Г. Р. Державина всегда грандиозны, в «заметке» о нём Кушнер цитирует «К первому соседу»: сосны «вихрем пораженны <...> корнями вверх лежат» [Кушнер 1991: 459]. Но, оценивая свой первый сборник и реакцию критики на него, Кушнер утверждает право поэта на собственные «модуляции голоса», подсказанные «новыми темами» [Кушнер 2003: 209], думается, можно говорить и о «новой интонации» по сравнению с Державиным.

«Солонка» поднимает проблему не только «поэзии быта», но и «поэзии и быта». «Проводником» в мир Державина оказывается вещь: лирический герой хочет вернуть её хозяину, уверенный, что тот «улыбнётся солонке». Но Г.Р. Державин «приглашает к обеду» не просто человека, заметившего «в сторонке» в музее его солонку, а поэта; они говорят о стихах, и «наших» в устах Г. Р. Державина объединяет героя с автором. Проницаемость друг для друга быта и поэзии выражается в ситуации «Катюша, она и Пленира». Действительно, у Г. Р. Державина реальные «домашние», уменьшительные имена первой и второй жен стилистически не различаются с их же поэтическими именами Пленира и Милена (так, первоначальное «Даша» в после-

дующих редакциях стихотворения легко, без изменения остального текста, заменяется на «музу») [Державин 1865, 2: 56]).

Грань между подчеркнутой вещественностью и вымышленностью поэтического мира тоже оказывается зыбкой. Стол, на котором должна «заиграть» вернувшаяся солонка, предметен; но, не говоря уж о том, что сама ситуация «сквозь века приглашение к обеду» нереальна, «приглашение к обеду» – название стихотворения. Окончательное слияние реально-предметного мира и поэзии знаменует фраза «ляжет прочно, как старая лира», объединяющая вещь и эмблематический образ; причём характеристики предметов предельно конкретны, материальны и прозаичны («ляжет», «прочно», «старая»), но сама «зарисовка» – символ.

Сравнивая раннюю «Солонку» со стихотворением 1995 г. «Сахарница», посвящённым памяти Л.Я. Гинзбург, А. Жолковский, выделяет в этих двух «памятниках скромному предмету обихода» «схему кушнеровского поэтического мира» – «как устойчивость выявленных инвариантов, так и гибкость их вариативной реализации» [Жолковский 2012: 230-233].

Литература

Державин Г. Р. Сочинения Державина : в 9 т. / Г. Р. Державин ; с объяснит. примеч. Я. Грота. – СПб., 1864–1883.

Жолковский А. Поэтика за чайным столом: «Сахарница» Александра Кушнера / А. Жолковский // Звезда. – 2012. – № 10. – С. 223-234.

Кушнер А. Аполлон в снегу: Заметки на полях / А. Кушнер. – Л. : Сов. писатель, 1991. – 512 с.

Кушнер А. Ночной дозор: вторая книга стихов / А. Кушнер. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1966. – 124 с.

Кушнер А. Первое впечатление: стихи / А. Кушнер. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1962. – 96 с.

Кушнер А. Первое впечатление / А. Кушнер // Звезда. – 2003. – № 8. – С. 202-212.

Образ Г.Р. Державина в «Хронике четырех поколений» Вс.С. Соловьева

С.А.Васильева

Тверской государственный университет

(Тверь)

Ключевые слова: образ Державина, массовая беллетристика, исторический роман

Исторические романы Вс.С.Соловьева были очень популярны в 1880 – 1900-е гг. Период с 1881 по 1886 гг., когда Соловьев печатал в журнале «Нива» «Хронику